

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР СЕКТОРА ЭТИКИ

12 февраля 2013 – 16:00

А.В. Прокофьев

Обстоятельства справедливости как проблема теоретической и прикладной этики

Текст выступления

Моя сегодняшняя тема – вопрос об обстоятельствах справедливости. В исследовательской литературе используются также понятия границ или пределов справедливости, области справедливости и т.д. В 2005–2006 гг. в выступлении на каунасском семинаре проекта «Преподавание этики в высшей школе» и в своей книге об общественной морали я попытался довольно бегло и обзорно обозначить некоторые подходы к этой проблематике. С тех пор я более или менее систематически работал с рядом частных, ориентированных на практику проблем социальной этики, при решении которых апелляция к обстоятельствам, пределам, области справедливости применяется очень широко. Это обогатило мое понимание проблемы и существенно расширило теоретический кругозор, но также породило все более и более усиливающийся скепсис в отношении этих понятий и их теоретических экспликаций.

В первой части своего выступления я попытаюсь ответить на вопросы, что такое обстоятельства справедливости и как представление о них влияет на решение некоторых нормативных проблем. А затем я обрисую основания для скепсиса по поводу этой концепции. Вопрос о том, насколько глубоким должен быть этот скепсис, ведет ли он к полному отказу от представления об обстоятельствах справедливости или к его существенной перестройке, для меня во многом остается открытым.

Справедливость и благотворительность

В качестве стартовой точки для обсуждения проблемы обстоятельств справедливости лучше всего использовать разграничение между двумя типами обязанностей. В истории этической мысли оно часто было представлено также как различие между типами принципов, добродетелей и даже прав. Для обозначения сторон оппозиции использовались понятия совершенных и несовершенных обязанностей (прав) (от Г.Гроция и С.Пуфендорфа к И.Канту), добродетелей благотворительности и справедливости (от Цицерона к А.Смиту и Дж.С.Миллю), ценностей (добродетелей) заботы и справедливости (в целом ряде современных этических концепций), естественных обязанностей и требований справедливости (у Дж.Ролза) и т.д. Я буду вести речь об обязанностях справедливости и

обязанностях благотворительности, с той оговоркой, что последнее понятие рассматривается в предельно широком смысле, без отождествления с филантропической практикой. Значимые для нашей темы различия между двумя типами обязанностей можно формализовать в соответствии со следующим рядом из четырех позиций.

Отсутствие/наличие дискреционности. Обязанности справедливости касаются совершения конкретных поступков в конкретных ситуациях. Несовершение поступка, требуемого какой-то из них, является однозначно предосудительным. Обязанности благотворительности (заботы) касаются формирования системы мотивов и целостного образа жизни, поэтому несовершение отдельного поступка, соответствующего какой-то из них, не является однозначно предосудительным. Можно проявить благотворительность в такой же по своим характеристикам ситуации, но «не в этот раз», можно постоянно проявлять ее в качественно иных ситуациях, но не в этой. Лишь систематическое и разнонаправленное несовершение благотворительных действий является безусловным, подлинным нарушением такой обязанности.

Характер оценок, возможность/невозможность внешнего осуждения. Осуждение несправедливости носит максимально интенсивный характер и проявляется в виде острого негодования по поводу поступка, а неисполнение долга благотворительности (заботы) имеет гораздо меньшую интенсивность и выражается лишь в виде разочарования в другом человеке. В отношении позитивных оценок складывается обратная ситуация: выполнение долга справедливости (за исключением случаев, связанных с героическими усилиями и трагическими жертвами) вызывает спокойную (холодную) удовлетворенность происходящим, а благотворительные действия, забота, прощение сопровождаются активным одобрением и даже восхищением. Нарушение обязанностей справедливости не связано с ограничениями на внешнее осуждение. Напротив, такое осуждение представляет собой нравственный долг, проявление индивидуального мужества и твердости. Осуждение неблаготворительного (незаботливого) поведения связано с гораздо большими самоограничениями судящего. В каких-то случаях понимание собственного несовершенства, осознание зависимости своих поступков от благоприятных обстоятельств своего формирования как личности и т.д. вполне правомерно приостанавливают суждение о тех поступках другого человека, которые являются вполне обоснованным предметом для раскаяния и угрызений совести. По принципу: «если бы я сделал это, я бы раскаивался, но я не знаю, смог бы я этого не сделать, оказавшись на его месте, поэтому не имею права на негативное суждение».

Связь/отсутствие связи с правами. Долг справедливости представляет собой такую обязанность, которой соответствует право другого человека. Тот, чей интерес зависит от выполнения другими людьми обязанностей справедливости, уполномочен требовать от них

исполнения долга и (или) возмещения причиненного ему ущерба. Такое требование может предъявить и его представитель, причем далеко не всегда получающий свои полномочия непосредственно от обладателя права. Та же самая особенность обязанностей справедливости фиксируется с помощью формулировки «нарушение обязанности причиняет вред другому человеку». Нарушение обязанностей благотворительности (заботы) является выражением низкого нравственного качества совершившей его личности, причиной увеличения в мире количества тех явлений, сокращать которые – обязанность каждого, но оно не является причинением вреда конкретному человеку.

Связь/отсутствие связи с силовым понуждением и социальными институтами. Тот, кто истребует право, или его представитель, могут (то есть вправе или обязаны) использовать для достижения своей цели понуждающее воздействие: силу общественного аппарата охраны правопорядка или, в некоторых случаях, собственную силу. Исполнение обязанностей справедливости не является исключительно вопросом самосовершенствования отдельных лиц, это задача институтов, которые принудительно аккумулируют ресурсы, организуют согласованные усилия множества людей, ограничивают произвол тех, кто совершает несправедливость. Именно обязанности справедливости прямо связывают между собой моральные ценности с правовым принуждением. Обязанности благотворительности (заботы) исполняются в режиме нравственного саморегулирования, в некоторых случаях – под давлением негативного суждения окружающих.

Перечисленные различия имеют существенное практическое значение, поскольку характер той или иной обязанности в отношении другого человека существенным образом определяет должные действия как того лица, на ком она лежит, так и тех, кто оценивает его действия и реагирует на них словами и поступками. Иначе говоря, мы вынуждены определять не только то, *имеется или отсутствует* у конкретного человека в какой-то конкретной ситуации обязанность действовать в интересах другого человека (существа), но и то, *какого рода* эта обязанность. Последнее обстоятельство определяет степень нашей свободы в вопросах ее исполнения, выбор средств ее исполнения и многое другое.

Концепция обстоятельств справедливости

Квалификация обязанностей осуществляется на основе соотнесения конкретной ситуации, в которой требуется действовать, с типичной ситуацией, в которой возникают обязанности того или иного вида. Это превращает выявление тех характеристик ситуации, которые переводят озабоченность положением другого человека (существа) из регистра благотворительности (заботы) в регистр справедливости, в существенную теоретическую и практическую задачу. Поиск таких характеристик чаще всего связан с попытками ограничить требовательность морали. Известно, что выводы из отправных посылок последней, содержащиеся в тех или иных моральных доктринах и концепциях или сделанные

ситуативно каким-то отдельным индивидом, часто бывают очень радикальными, диктующими предельную жертвенность или предельное самоограничение. В этом они могут существенно расходиться с общераспространенными моральными убеждениями (теми, которые часто называют «моральным чувством» или «моральной интуицией»). В таких случаях обсуждение пределов или ограничений справедливости может продемонстрировать моральным субъектам, что некоторые проявления жертвенности и самоограничения, даже если и являются их обязанностью в каком-то смысле, не вменены им категорически (сохраняют простор для выбора), а то и вообще находятся в области сверхдолжного. Это основное направление, в котором действует представление о пределах справедливости. Однако обсуждение специфических условий, в которых возникают обязанности справедливости, может носить и противоположную направленность. Оно может быть ориентировано на реформу устоявшихся нравственных убеждений, то есть на расширение области справедливости по сравнению с преобладающими представлениями о ней. В этом случае обсуждаются уже не пределы, а расширяющиеся пограничные пространства справедливости (ср. заглавия книг на эту тему: *Limits of Justice* (M. Sandel), *Bounds of Justice* (O. O’Neil) и, соответственно, *Frontiers of Justice* (M. Nussbaum))¹.

В истории этики обсуждение пределов справедливости было инициировано Аристотелем, а систематически представлено Д.Юмом в «Трактате о человеческой природе» и «Исследовании о принципах морали». Именно его рассуждение о ситуативно-практическом фоне применения принципов справедливости, формализованное современными теоретиками, принято называть «концепцией обстоятельств справедливости». Ее общий смысл выражен Д.Юмом в следующем высказывании: «Правила воздаяния по заслугам, или справедливости (*equity or justice*), всецело зависят от частных положений и условий, в которых находятся люди... Внесите изменение в условия существования людей, изменив какие-нибудь значительные обстоятельства... и, сделав справедливость совершенно *бесполезной*, вы тем самым полностью уничтожите ее сущность и лишите ее обязательной силы по отношению к человечеству»². Если взять за основу текст «Исследования о принципах морали», то набор обстоятельств справедливости выглядит следующим образом: 1) умеренная нехватка благ и ресурсов; 2) ограниченная щедрость (ограниченная благожелательность) человека; 3) взаимная уязвимость людей друг для друга (приблизительно равная возможность причинять друг другу ущерб); 4) взаимная зависимость людей друг от друга (наличие кооперативных отношений). В подтверждение своей мысли о потере справедливостью обязательной силы вне этих обстоятельств Юм приводит реальные

¹ Sandel M. *Liberalism and the Limits of Justice*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982; O’Neill O. *Bounds of Justice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000; Nussbaum M.C. *Frontiers of Justice: Disability, Nationality, Species Membership*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

² Юм Д. *Исследование о принципах морали* // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т.2. М.: Мысль, 1996. С. 194.

примеры их отсутствия и мысленные эксперименты, в которых оно искусственно моделируется. Среди мысленных экспериментов: Золотой век I (эпоха изобилия), Золотой век II (эпоха нежности и заботы), Естественное состояние (в варианте Т.Гоббса), Раса разумных, но абсолютно бессильных существ, Самодостаточный человек³.

Дж.Ролз вернул концепцию обстоятельств справедливости в смысловой центр социальной этики. В рамках его договорной социально-этической теории субъекты выбора принципов справедливости (участники «исходного положения») что-то знают, а что-то не знают о себе и о мире. Их незнание определяет беспристрастность выбора принципов, а знание делает его рациональным и квалифицированным. Если не знают они своего положения в обществе, своих природных дарований и ценностных предпочтений, то знают именно то, что их взаимодействие после выбора принципов будет соответствовать юмовским обстоятельствам справедливости⁴. С концепцией обстоятельств справедливости тесно связана мысль Дж.Ролза о том, что единственным субъектом справедливости является «базисная структура общества». В его понимании, «это публичная система правил, определяющих схему деятельности, которая приводит людей к совместным усилиям для произведения большей суммы выгод и приписывания каждому признаваемых требований в дележе продукта». Только при наличии «базисной структуры» оказывается возможна фундаментальная посылка распределительной справедливости, которую Дж.Ролз формулирует следующим образом: «благосостояние каждого зависит от схемы социальной кооперации, без которой никто не мог бы иметь удовлетворительной жизни»⁵.

Так как принципы справедливости формулируются Дж.Ролзом для условий, которые соответствуют обстоятельствам справедливости, то логично предположить, что они и действуют исключительно в этих условиях. Во всяком случае, вне этих условий возникает необходимость «расширения» концепции как на уровне оснований, так и на уровне

³ В дальнейшем нам понадобится обращение лишь к четвертому мысленному эксперименту. Вот его содержание: «Если бы имелись налицо общающиеся с людьми виды существ, которые, будучи мыслящими, обладали бы, однако, столь незначительной духовной и телесной силой, что не были бы способны оказать какое-либо сопротивление и никогда, даже при самом сильном вызове их существованию, не давали бы нам почувствовать свое возмущение, то необходимым следствием этого, как я думаю, оказалось бы то, что мы должны были бы связать себя законами человеколюбия, чтобы обеспечить мягкое обращение с этими существами, но не должны были бы, строго говоря, устанавливать какое-либо сдерживающее начало справедливости в отношениях с ними, да и они не могли бы обладать какими-либо правами или собственностью, независимыми от их столь произвольно действующих господ. Наше общение с ними не могло бы быть названо обществом, которое ведь предполагает определенную степень равенства; нет, это было бы абсолютное господство, с одной стороны, и абсолютное повиновение – с другой. Все, чего мы домогаемся, они должны мгновенно отдавать. Наше разрешение является единственным правом, в силу которого они владеют своим имуществом. Наши сострадание и доброта – вот единственное препятствие, с помощью которого они сдерживают наше беззаконие. И так как проявление такого рода могущества, столь прочно коренящегося в природе, не приводит ни к каким неудобствам, то сдерживающие начала справедливости и собственности, будучи совершенно бесполезными, никогда не имели бы места в такой неравной конфедерации» (Там же. С. 196).

⁴ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. С. 121–122.

⁵ Там же. С. 97.

нормативных выводов. Для некоторых практических контекстов это расширение может оказаться невозможным или существенно затрудненным. Что фактически соответствует выводу о том, что вне обстоятельств справедливости действуют не два ролевых принципа справедливости, а какие-то менее требовательные и менее обязательные правила.

В каких случаях концепция обстоятельств справедливости применяется для решения практических проблем? Вот основные примеры:

1. Обязанности общества перед людьми, имеющими физические или психические дефекты, препятствующие участию в различных формах социальной кооперации (проблема справедливости в отношении инвалидов)
2. Обязанности представителей определенного национального сообщества перед людьми, которые к нему не принадлежат и находятся за пределами его территориальных границ (проблема глобальной справедливости)
3. Обязанности представителей нынешнего поколения перед представителями будущих поколений (проблема межпоколенческой справедливости)
4. Обязанности людей перед животными, растениями, биологическими видами, экосистемами (проблема экологической справедливости)

Обсуждение перечисленных проблем замкнуто на два последних обстоятельства справедливости. Принцип их использования прост – там, где нет взаимной уязвимости и кооперации, там не может быть обязанностей справедливости, не может быть и прав, которые реализуются на основе их исполнения. В отношении будущих поколений, обитателей стран Третьего мира, животных действует именно такое, прямолинейное рассуждение. В отношении инвалидов – аргументация тоньше и сложнее.

Еще сложнее выглядит проекция концепции обстоятельств справедливости на гендерную проблематику. В этом контексте существенную роль играет такое обстоятельство как ограниченная благожелательность. Если оно отсутствует в сообществах взаимной заботы (прежде всего в семье), то любая попытка внести в их внутреннюю жизнь критерии честного распределения в соответствии со строго определенными правами была бы чревата снижением эффективности заботы и деградацией таких сообществ. Соответственно, общество не должно поощрять такие попытки. Два последних обстоятельства тоже имеют определенное значение. Они задают характер обязанностей общества перед теми людьми, которые полностью или частично выпадают из отношений, построенных по принципу взаимовыгодной кооперации и эквивалентного обмена услугами, и делают это на основе собственных нравственных убеждений. Таковы люди, которые осуществляют заботу о наиболее уязвимых членах общества, воспринимая ее в качестве своего долга и призвания. Это, прежде всего, женщины внутри семьи, но не только. Они по определению не могут потребовать справедливого вознаграждения (компенсации) от тех, на благо кого направлены

их усилия, кому посвящены их время и энергия. Однако могут ли они требовать компенсации своих усилий от общества в целом (то есть вознаграждения своего труда из общественных фондов, складывающихся на основе налогообложения)? И является ли такая компенсация реализацией их права на справедливую долю ресурсов? В свете двух последних обстоятельств справедливости предрешен отрицательный ответ на оба этих вопроса, поскольку люди, посвятившие себя заботе, не являются участниками кооперации, способными в случае несправедливого распределения получаемых от нее благ отказаться от своего участия в ней. Ведь они не ставят продолжение своей деятельности в зависимость от вознаграждения (будь то от объектов заботы или от общества).

Попытки переосмысления концепции обстоятельств справедливости

Итак, мы увидели, что на основе концепции обстоятельств справедливости получает обоснование ограниченное понимание некоторых обязанностей, что она становится точкой опоры для отрицания некоторых прав. В свою очередь расширение круга обязанностей справедливости и обоснование прав может осуществляться либо за счет переосмысления этой концепции, либо за счет прямого отрицания ее значимости. Вот несколько наиболее известных примеров ее переосмысления.

Необходимо отметить, что уже Д.Юм предостерегал от излишне прямолинейного понимания своей идеи обстоятельств справедливости. Например, он соглашался с возможностью перенести выводы мысленного эксперимента с расой абсолютно бессильных существ на отношения человека и животных, но не допускал такого переноса на отношения мужчин и женщин, а также цивилизованных и примитивных народов. Так, Д.Юм замечает, что видимое неравенство сил создает у европейцев «искушение... избавиться от сдерживающего начала справедливости» в отношении индейцев, но это именно искушение и ему следует сопротивляться⁶. Можно предположить, что Д.Юм отказывается от переноса своего рассуждения о взаимной уязвимости на примитивные народы в силу того, что коллективная мощь хорошо организованных и вооруженных европейцев не исключает возможности для индейцев причинять ущерб в тех случаях, когда отдельный индеец противостоит отдельному европейцу. То есть этот вывод Д.Юма является результатом вообразяемого изменения типичной или наличной ситуации.

Такой ход мысли создает возможность для понимания одного из обстоятельств справедливости – обстоятельства взаимной уязвимости – не в перспективе фактического состояния дел, а в перспективе возможного состояния дел и гипотетической смены ролей. Это значит, что существа находятся в отношениях, порождающих обязанности справедливости, уже в том случае, если они обладают равной способностью, получив доступ к соответствующим техническим средствам или к соответствующим властным полномочиям,

⁶ Юм Д. Исследование о принципах морали. С. 197.

использовать их для причинения ущерба или ограничения планов окружающих. Тогда и деморализованные, смирившиеся со своим положением жертвы дискриминации, и инвалиды разных типов, и представители будущих поколений являются существами, в отношении которых существуют обязанности справедливости. С животными при этом возникают проблемы, связанные со сложностью гипотетической смены мест.

В современной социальной этике присутствует несколько вариантов оформления этой мысли⁷. Однако в связную теоретическую концепцию она была превращена лишь англо-американским политическим философом Б.Бэрри. Он предложил парадоксальную и слегка провокационную формулировку, что юмовские обстоятельства справедливости являются «достаточными, но не необходимыми». Это значит, что мы формулируем принципы справедливости в их полноте именно в связи этими условиями. Однако применять такие принципы можно и к тем случаям, где эти условия не соблюдаются. Что касается юмовского рассуждения о равной силе и равной уязвимости существ, сдерживающих себя на основе идеи справедливости, Б.Бэрри утверждает следующее: «Так как обстоятельства справедливости это достаточное условие, но не необходимое, мы не должны следовать за Юмом, говорящим, что справедливость неприложима там, где нет обстоятельств справедливости. Следовательно, мы сохраняем возможность утверждать, что общества, в которых имеет место структурное групповое угнетение... несправедливы, поскольку они допускают такие отношения, на которые угнетаемые члены общества не согласились бы, *если бы* они находились в положении приблизительно равной силы [с угнетателями]» (курсив мой, – А.П.)⁸

Реализация принципов справедливости, таким образом, требует создания институтов, в которых согласие или несогласие угнетенных имело бы практическое значение, или, иными словами, требует создания институтов, наделяющих угнетенных возможностью (силой) повлиять на положение своих угнетателей. Можно сказать, что Б.Бэрри ведет речь не о наличии, а о нормативной необходимости искусственного создания одного из обстоятельств справедливости в некоторых практических контекстах. В случае со структурным угнетением это тождественно простому устранению угнетения. В случае с представителями Третьего мира – предоставлению им более широких возможностей участия в решении проблем международного сообщества. А в отношении тех категорий, которые лишены способности воздействовать на других членов общества по причинам, не связанным с их социальной или политической маргинализацией, это означает уже нечто иное, а именно – создание

⁷ См., напр.: Vanderschraaf P. The Circumstances of Justice // Politics, Philosophy & Economics. 2006. Vol. 5. № 3. P. 332; Wissenburg M. Imperfection and Impartiality: A Liberal Theory of Social Justice. L.: UCL Press Limited, 1999. P. 90.

⁸ Barry B. Circumstances of Justice and Future Generations // Obligations to Future Generations / Ed. by B. Barry and I. Sikora. Philadelphia: Temple University Press, 1978. P. 231.

эффективных институтов представительства их интересов. Например, наличие полномочных представителей, наделенных юридическими правами и возможностью воздействовать на политический процесс, устраняет бессилие представителей будущих поколений. То же относится к некоторым категориям инвалидов. С нечеловеческими живыми существами этот вариант также возможен, хотя и порождает много дополнительных проблем.

К сожалению, четвертое юмовское обстоятельство – наличие кооперативного взаимодействия – гораздо сложнее укладывается в предложенную Б.Бэрри схему. Если взаимную уязвимость можно искусственно сконструировать, то кооперация таким процедурам не поддается. Сложно представить себе, например, институциональную структуру, которая обеспечивала бы вклад будущих поколений в благосостояние нынешних. К еще более странным результатам приводит попытка вообразить способы, искусственно привлекающие к кооперации инвалидов некоторых категорий. В их отношении возможна не кооперация, а лишь весьма сомнительная в нравственном смысле утилизация. На фоне этого теоретического тупика определенные надежды внушает возможность расширения смысла самого понятия кооперация. По такому пути неоднократно шли некоторые теоретики глобальной справедливости. Так Ч.Бейц предположил, что принципы справедливости применимы не только там, где присутствует полноценная кооперация, в которой улучшение положения всех участников является осознаваемой каждым из них целью (где без взаимодействия никто не мог бы иметь удовлетворительной жизни), но и там, где имеет место простое воздействие одного человека на другого, приносящее воздействующему лицу выгоду. Получение выгод в этой перспективе является основанием для вмененного в обязанность стремления улучшить положение своего даже невольного партнера по взаимодействию⁹.

В случае с обязанностями «золотого миллиарда» перед представителями Третьего мира это изменение смысла понятия «кооперация» действительно существенным образом меняет ситуацию. Однако в случае с будущими поколениями оно не дает значительных преимуществ. Отношения нынешнего поколения с будущими невозможно представить себе как подлинное взаимодействие сторон, порождающее выгоды. Во-первых, между ними нет прямого практического соприкосновения, в котором что-либо приобреталось бы сторонами. Во-вторых, «выгоды» нынешнего поколения состоят лишь в том, что оно не жертвует собственным интересом ради интересов другого или жертвует меньше, чем могло бы. Его приобретения формируются исключительно за счет того, что оно расходует там, где могло было бы сберегать для будущего. Другими словами, оно ничего не приобретает в ходе взаимодействия, а значит и не попадает под действие обязанности компенсировать потери

⁹ Beitz Ch. Political Theory and International Relations. Princeton: Princeton University Press, 1999. P. 131.

тому, кто целенаправленно или по стечению обстоятельств способствовал в приобретении выгод. С инвалидами мы имеем промежуточную ситуацию.

Еще одной попыткой преобразования концепции обстоятельств справедливости является дополнение их списка. Взаимная уязвимость и кооперация могут рассматриваться в качестве таких обстоятельств, которые в каких-то контекстах замещаются чем-то другим, не менее важным. По этому пути пошла договорная этика феминизма. К примеру, философ-феминист Э.Ф.Киттей предложила расширить список обстоятельств в связи с игнорируемым Д.Юмом и Дж.Ролзом фактом, что каждый человек в течении своей жизни оказывается с необходимостью зависим от чужой заботы: он не может без нее сформироваться как человек и в целом ряде случаев не может без нее существовать в качестве уже сформировавшейся личности. Зависимость – это универсальное условие человеческого существования, которое должно быть известно участникам выбора принципов за «занавесом неведения», наряду с традиционными обстоятельствами справедливости. И так же, как осознание взаимной уязвимости и потребности в кооперации заставляет нас формулировать соответствующие им принципы справедливости, так и осознание потребности в невзаимной заботе заставляет эти принципы дополнять. Э.Ф.Киттей предположила, что два принципа справедливости, сформулированные Дж.Ролзом, следует достроить за счет введения третьего: принципа полноценного материального обеспечения обществом а) самого процесса индивидуализированной заботы о беспомощных людях, б) достойного положения тех, кто такую заботу осуществляет¹⁰.

Однако можно ли перенести предложенный Э.Ф.Киттей подход из области борьбы за обеспечение полноценного социального статуса лицам, осуществляющим заботу, в другие сферы, находящиеся на границах справедливости? Возьмем вновь для примера межпоколенческий контекст. Здесь такие возможности серьезно ограничены. Ведь хотя каждый человек нуждается в том, чтобы предыдущие поколения позаботились о нем, то есть оставили ему достаточное для жизни и процветания количество ресурсов, эта потребность не реализуется в рамках непосредственного межличностного взаимодействия, подразумеваемого Э.Ф.Киттей. Зависимость будущих поколений не требует ухода и эмоциональной поддержки, которые становятся условием существования другого человека. Она не вплетена в ткань индивидуального опыта каждого из нас.

Основания для скепсиса

Что показывает анализ попыток модификации обстоятельств справедливости? На мой взгляд – очевидную слабость представления о том, что существует некий единый, унифицированный комплекс условий для всех составляющих нормативного содержания справедливости. Конечно, если бы они существовали, то это заметно упростило бы задачи

¹⁰ *Kittay E.F. Love's Labor: Essays on Women, Equality, and Dependency. N.Y.: Routledge, 1999. P. 102–103, 113.*

нормативной теории, пытающейся корректно реконструировать систему обязанностей отдельного индивида и сообществ, представляющих собой организованные совокупности индивидов. Однако, скорее всего, концепцию обстоятельств справедливости необходимо разобрать на независимые друг от друга составляющие. Единый контекст разбить на несколько специфических контекстов, в которых конкретные моральные обязанности приобретают статус обязанностей справедливости. Некоторые такие контексты могут быть выделены внутри пространства, очерченного юмовскими обстоятельствами, другие – будут выходить за их пределы.

Подтверждением необходимости этой операции служит исследование исторических истоков концепции обстоятельств справедливости. Напомню, что Д.Юм предлагал свой список обстоятельств, исходя из собственного, довольно специфического понимания справедливости. Оно являлось зауженным даже на фоне ограничительных трактовок справедливости, свойственных Новоевропейской социальной этике в целом. Для Д.Юма справедливость – это исключительно правила приобретения, использования и передачи имущества, которое с развитием и усложнением общества превратилось в индивидуальную собственность¹¹. Уже некоторые младшие современники прямо ставили Д.Юму на вид то, что он недопонимает содержание этой нравственной добродетели. Например, Т.Рид полагал, что Д.Юм опустил первые четыре ветви справедливости, связанные с защитой личности, свободы и репутации, ограничившись двумя последними – так называемыми «приобретенными правами», касающимися собственности и соблюдения договоров¹². В обсуждении Д.Юмом обстоятельств справедливости узор его понимания справедливости чувствуется очень сильно. Так, потеря правилами справедливости своей силы в случае вооруженного противостояния с непризнающими никаких правил разбойниками выражается у него не в каком-то особом, теперь уже допустимом обращении с нападающими, а в возможности обороняться от нападения чужим мечом и щитом, не спрашивая разрешения владельца¹³. В случае с осажденным голодающим городом, в котором исчезает обстоятельство умеренной нехватки ресурсов, такая потеря выражается исключительно в возможности использовать зерно из частных закромов. Причем зерно должно распределяться не произвольно, не по праву силы, а исключительно поровну¹⁴. Даже фрагмент с расой разумных, но бессильных существ, посвящен невозможности признания за ними права собственности, в чем и выражается потеря силы принципами справедливости. Вопросы о допустимости убивать их, произвольно и безнаказанно причинять им страдание,

¹¹ См. подробнее: Прокофьев А.В. Между естественным и искусственным: нормативное содержание и психологические механизмы этики справедливости у Д.Юма и А.Смита // Этическая мысль: Ежегодник. Вып. 12. М.: ИФ РАН, 2012. С. 193–231.

¹² Reid T. *Essays on the Active Powers of Man*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. P. 312–313.

¹³ Юм Д. Исследование о принципах морали. С. 193.

¹⁴ Там же.

ограничивать их свободу передвижения или даже принудительно использовать их труд остаются открытыми.

В этой связи очень странно, что Дж.Ролз принял юмовские обстоятельства для своего по преимуществу распределительного и гораздо более богатого содержанием понимания справедливости и сделал это без какой бы то ни было специальной предварительной критики и коррекции. Это создало примечательное противоречие его социально-этической теории. В тех контекстах, где обстоятельства справедливости отсутствуют, у Дж.Ролза перестают действовать далеко не все требования справедливости. Например, в теории «Справедливости» и в «Законе народов» он обсуждает международную справедливость. В первом случае имеются в виду требования, относящиеся к соблюдению международных договоров, а так же к условиям вступления в военные действия и их ведения. Во втором случае их дополняют требования, связанные с международным режимом соблюдения прав человека и борьбой с глобальной бедностью (хотя и не посредством реализации эгалитарного «принципа различия»). То есть Дж.Ролз полагает, что в этих условиях действуют другие, несколько обедненные по содержанию, но не менее категорические обязанности справедливости. Значит, логично было бы вести речь о каких-то иных условиях или обстоятельствах справедливости, прямо соотнесенных с этими обязанностями. В «Теории справедливости», «Политическом либерализме» и «Справедливости как честности» Дж.Ролз обсуждает проблему отношения к будущим поколениям. Он формулирует принцип «справедливых сбережений», который также имеет нормативное содержание, отличающееся от «принципа различия». Но это значит, что здесь также присутствуют условия, которые сохраняют за обязанностью статус обязанности справедливости, хотя и отличаются от юмовского списка. Лишь отношение к животным и природе оказывается у него полностью за пределами справедливости – в области так называемых «естественных обязанностей».

Отталкиваясь от этой теоретической ситуации, я полагаю, что вместо сбивающего с толку обсуждения единого набора обстоятельств справедливости следует ввести более дробную ситуационную контекстуализацию обязанностей справедливости. В разных практических контекстах в обязанность справедливости могут превращаться разные действия, например: распределение в соответствии с вкладом в коллективно созданный продукт; уравнительное распределение; распределение в соответствии с принципом различия; обеспечение потребительского минимума; сохранение условий для обеспечения такого минимума; строгая неприкосновенность собственности; неприкосновенность жизни; недопустимость причинения избыточных страданий при лишении жизни и т.д. Вне таких контекстов те же самые действия могут быть содержанием обязанностей благотворительности (отданных на усмотрение индивидам и не поддерживаемых институтами общественного принуждения). Можно предположить, что в малой

кооперативной ассоциации справедливо распределять материальные блага в соответствии с вкладом в результат коллективной работы (а сверх того – на добровольно-дискреционной основе), в национальном или в локальном территориальном сообществе – использовать принцип различия, в международном контексте – принцип обеспечения достаточного минимума, в межпоколенческом контексте – принцип создания условий для обеспечения минимума. По отношению к человеку и некоторым видам животных может действовать принцип неприкосновенности жизни, по отношению к другим видам – принцип минимизации страданий при вынужденном умерщвлении. Я пока не могу предложить целостную концепцию с подробным описанием условий, но направление преобразования традиционной концепции обстоятельств справедливости, по всей видимости, должно быть именно таким.

Есть и другой момент, связанный с воздействием концепции обстоятельств справедливости на решение конкретных проблем социальной этики. Применение предложенного Д.Юмом списка обстоятельств справедливости способствуют смешению между собой нравственно значимых свойств самих участников ситуации и их отношений (их взаимного положения во времени, в пространстве, их членства в различных организованных и неорганизованных группах). Обитатели стран Третьего мира, представители будущих поколений, представляют собой примеры, в которых доминирует фактор взаимного положения. Это одна этическая проблема. Нечеловеческие живые существа, инвалиды с глубокими расстройствами интеллекта, с малой способностью к осмысленной деятельности, люди, находящиеся в необратимом коматозном состоянии представляют собой примеры, в которых доминирует фактор индивидуальных свойств. Это иная проблема. Инвалиды, ограниченность возможностей которых носит исключительно соматический характер, занимают промежуточное положение. Однако находятся ближе к первому типу, поскольку легко себе представить такое обустройство социального пространства, в котором они могли бы участвовать на равных с другими членами общества.

В этой перспективе юмовский переход от мысленного эксперимента с расой разумных, но абсолютно бессильных существ к моральным обязанностям человека по отношению к животным вряд ли является обоснованным. В обоих случаях мы действительно имеем дело с бессилием, с неспособностью к намеренной взаимности в рамках кооперативных отношений. Однако неспособность к взаимности и кооперации по причине отсутствия силы и по причине отсутствия способности к осмысленной деятельности, по всей видимости, имеют разное значение для морали в целом и для теории справедливости в частности¹⁵.

¹⁵ Эту проблему можно было бы попытаться решить без радикального отказа от юмовского списка обстоятельств. Например, предположив, что в случае способности к сознательной деятельности всегда сохраняется способность причинять ущерб и помогать в каких-то особых обстоятельствах. Например, существа, способные мыслить, способны убеждать, а это есть способ косвенного влияния: убеждая имеющих

Наконец, концепция обстоятельств справедливости способствует закреплению упрощенных представлений о характере различных нравственных обязанностей. Этому же, конечно, способствовало и мое первичное разграничение двух типов обязанностей. Однако надо иметь в виду, что приведенное выше их описание являлось не более чем теоретической идеализацией. Фактически же приходится вести речь о существовании промежуточных явлений между благотворительностью и справедливостью, между соблюдением прав и простым попечением о чьем-то благосостоянии и процветании. Примером может быть вопрос о помощи в экстремальных ситуациях, в особенности, если речь идет о помощи, требующей от помогающего лица не минимальных, а средних по своей тяжести потерь (в англоязычной этике для обозначения этой проблемы бытует термин «проблема злого самаритянина»). Такая помощь приближается к долгу справедливости, но и отличается от него. Другим примером являются права животных в сравнении с правами человека. По всей видимости, это очень разные виды прав, не только по объему, но и по содержанию. Такие разграничения надо выявлять и корректно фиксировать на языке этической теории, а концепция обстоятельств справедливости препятствует решению этой задачи.

силу, ты получаешь их силу в свое распоряжение. Хотя существа, способные мыслить, и могут быть лишены способности воздействовать на физический мир, они могут давать полезные советы и тем самым участвовать в кооперации. В конце концов, они способны просто знать что-то такое, чего не знают их могущественные «господа», и своим знанием вносить вклад в кооперацию или отказываться от такого вклада. Однако это крайне неэкономный способ аргументации в сравнении с простым разграничением отношений и внутренних свойств.